

Серафима ХОЛФИНА

В издательстве «Искусство» выходит в свет книга Серафимы Холфиной «Вспоминая мастеров московского балета...». Ученица В. Тихомирова, она с середины 20-х годов — солистка Большого театра, позднее — преподаватель Московского хореографического училища. Серафима Сергеевна ушла из жизни, когда работа над рукописью близилась к завершению. Так что книга эта — еще и память о мастере. Мы предлагаем вниманию читателей два фрагмента из «Воспоминаний» Серафимы Холфиной. Оба они посвящены выдающимся балеринам XX века. Одна увидена здесь глазами ученицы, другая — глазами педагога. Первую зовут Екатерина Гельцер, вторую — Екатерина Максимова.

Чего не знал Амур

Мне выпало счастье с детства общаться с Екатериной Васильевной, танцевать рядом с ней на сцене Большого театра, заниматься вместе в классе артистов, участвовать в концертах. Имя Гельцер было для нас, будущих артисток балета, чем-то недостижимо прекрасным, возвышенным, поэтичным.

Знакомство с Гельцер произошло осенью 1921 года. Четвертый этаж театрального училища считался «запретной зоной» для воспитанников, так как после часа дня там проходили занятия артистов балета с Тихомировым, Жуковым, Горским. В этих классах занимались все ведущие солисты Большого театра.

Известно: дети — народ любопытный, раз запрещено — значит, необходимо побывать в этой «запретной зоне». На одной из перемен по общеобразовательным предметам, с учебником анатомии в руках, мне удалось прошмыгнуть на четвертый этаж.

Коридор был пуст. Быстро его прошла и, увидев открытую дверь, тихонько подошла к ней. Слегка прикрыв грудь махровым полотенцем, на диванчике сидела обнаженная по пояс балерина. Это была Екатерина Васильевна Гельцер. Она отдыхала после занятий, положив ноги без туфель на низкий табурет. Заметив меня, она позвала к себе. Затаяв дыхание, я вошла в комнату.

— Как тебя зовут? — низким голосом спросила Гельцер.

— Холфина Сима.

— В какой же ты группе, Сима, учишься?

— В третьей младшей у педагога Жукова.

— У Лени. А это что у тебя?

Гельцер взяла учебник анатомии. Одной рукой придерживая на груди полотенце, она другой перелистывала книгу. Брови ее удивленно поднялись вверх.

— Анатомия, поди ж ты, а! В мое время учили закон божий, арифметику да родной язык, и то... плохо.

Вдруг Гельцер захлопнула книгу и бросила ее на диван.

— Ох! Скелет! Терпеть не могу смотреть на кости человеческие... Она запрокинула голову на спинку диванчика и рассмеялась.

В 1922 году я впервые танцевала с Екатериной Васильевной, исполняя роль Главного амура в «Дон Кихоте». Танцевать сольную партию да еще вместе с Гельцер — это двойное счастье.

Шестое декабря 1922 года. Этот день стал для меня памятным на всю жизнь.

Разложив свой грим, я собралась тщательно и хорошо загримироваться. Вдруг в уборную, где раздевались ученицы, вошла камеристка Екатерины Васильевны Гельцер — Альма. Немка по национальности, она много лет жила в России, но, несмотря на это, очень плохо говорила по-русски. Невысокая полная блондинка лет пятидесяти, она была фанатично предана Екатерине Васильевне, следовала за ней повсюду, сопровождая на гастролях по Союзу.

В Большом театре она стояла именно в той кулисе, куда Гельцер убежала после своего танца. Альма держала большую коробку, обтянутую голубым шелком. В ней лежало зеркало, пудра с лебяжьей пуховкой и заячья лапка с румянами.

Во время коротких передышек между танцами Гельцер быстро подходила к Альме, смотрелась в зеркало, поправляла грим, прическу, пудрилась и снова выбегала на сцену. Альма успевала одернуть ей пачку, поправить костюм. Вдогонку Екатерине Васильевне она всегда чуть слышно говорила: «Ни пуховь, ни паришки вам!».

Ученикам театрального училища она казалась злой и сварливой. Альма охраняла Гельцер во время спектакля, и, если кто-либо из нас подходил к Екатерине Васильевне близко, она бесцеремонно отталкивала и говорила всегда одно и то же: «Будь здоров, ходишь на свой деля!» Екатерина Васильевна смеялась, а чаще шутила говорила ей: «Альмушка, вам не идет сердиться!».

Итак, Альма вошла в уборную учениц и сказала:

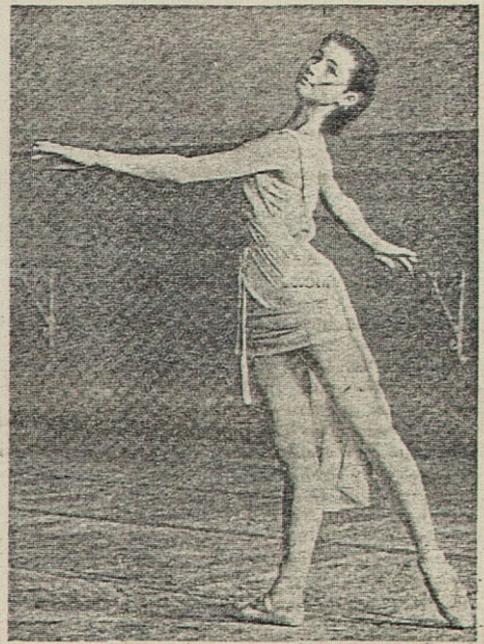
— Главный амур! Мой Гельцер тебя спрашивал. Надо ходить к ней в уборной. Бистро, сей минут.

Екатерина Васильевна занимала артистическую уборную для балерин этажом ниже ученической. Здесь было очень уютно и красиво.

Гельцер в шелковом голубом халате сидела перед трельяжем. Театральный гример заканчивал ее грим...

М. Т. Семенова у Е. В. Гельцер в день ее 85-летия.

Катя Максимова в выпускном классе.

— Садись, подожди, — сказала Гельцер, — сейчас тебя загримируют. — В ее голосе звучали ласковые нотки. — Сама-то еще не ай-яй-яй как хорошо умеешь гримироваться, а? Правду я говорю? — спросила она низким голосом.

— Правда, — с трудом сказала я, от смущения почти лишившись голоса. Мне казалось, что это волшебная сказка: Гельцер, прославленная Гельцер, звезда русского балета, и вдруг — так просто со мной разговаривает, заботится обо мне, чтобы хорошо выглядела на сцене. Я не сводила с нее восторженного взгляда.

Гример, поудряв лицо Гельцер, спросил ее, все ли хорошо.

— Все. Спасибо. Теперь «старуху» загримируйте.

— Амур готов.

— Покажись, — приказала Гельцер. — Здесь надо локончики выпустить. Вот так. — Она поправила мне паричок, заячьей лапкой подрумянила щеки и сказала:

— Ну иди, с Богом. Одейся поаккуратней, да смотри, проверь туфли, чтоб тесемки не лопнули.

— Будь здоров, ходишь на свой деля! — привычно сказала Альма, широко открывая дверь уборной прославленной балерины. Я сказала еще раз «спасибо» и, окрыленная сердечной добротой Екатерины Васильевны, понеслась бегом по лестнице к своим подружкам.

«С годами пройдет...»

Одной из последних учениц Елизаветы Павловны Гердт стала Екатерина Максимова. Весной 1949 года, когда я была членом приемной комиссии хореографического училища, мне позвонил Василий Дмитриевич Тихомиров. Он просил обратить особое внимание на девочку, которую он смотрел дома. Василий Дмитриевич сказал, что считает девочку очень способной. Фамилия ее — Максимова, зовут Катя, ей десять лет.

На следующий день я нашла среди поступающих Катю Максимову. Никакого «особого внимания» этой девочке не было нужно. Гармоничное телосложение, красивые по форме ноги, хорошие профессиональные данные, к тому же обаятельное личико. Все это снижало ей расположение строгой комиссии. От Тихомирова мы узнали о большом желании девочки «быть балериной». Но Катя держалась так, словно ей было абсолютно безразлично, примут ее в хореографическое училище или нет. Она разглядывала педагогов в то время, когда они поднимали ей ногу, проверяя шаг. При проверке прыжка сначала было неясно его качество. Гердт просила девочку прыгнуть повыше и присесть помягче. Катя показала, какой у нее прыжок. Он был не особенно высокий, но в нем чувствовалась полетность. Все экзаменуемые девочки, уходя из зала, вежливо приседали в реверансе либо робко говорили «спасибо». Катя молча повернулась спиной к комиссии и вышла из зала.

Зачислена она была в первый класс к Лидии Иосифовне Рафаиловой. Ей сравнительно легко давался начальный экзерсис. Выворотность, шаг — все было выше среднего, но одно обстоятельство мешало ей.

Однажды я зашла в класс Лидии Иосифовны, чтобы выполнить просьбу Василия Дмитриевича, узнать, как учится его протезе.

Катя стояла на среднем станке, где обычно педагог ставит учениц с хорошей выворотностью. Было заметно, что малышка не всегда добросовестно выполняет движение. Секрет быстро раскрылся: когда педагог обращался к ней по фамилии «Максимова», а не «Катя», девочка, надув

губки, занималась вполноги. Но когда Лидия Иосифовна обращалась к ней: «Катюня, посылней, повыворотней», капризули как не бывало. Точность, сила возвращались к ней.

Обаяние маленькой девочки покорило всех педагогов, но тревожил характер. Ее обидчивость, строптивость часто проявлялись. С годами она сумела преодолеть в себе этот недостаток, хотя строптивость и упрямство сказывались иногда даже в старших классах, особенно на репетициях.

На зачетном уроке по историческому танцу в первом классе кроме нас, педагогов младших классов, присутствовала Елизавета Павловна Гердт. Маргарита Васильевна Васильева, педагог этого класса, бывшая солистка Большого театра, превосходно вела этот предмет. В конце урока дети танцевали в парах балетный танец. Катя Максимова танцевала, отвернувшись от своего партнера Володи Васильева.

— Катя! Поверни голову к партнеру, — сказала Маргарита Васильевна.

Катя скосила глаза, но головы не повернула. На обсуждении класса Маргарита Васильевна говорила:

— Общение девочек с мальчиками в парных танцах вообще дается трудно. Максимова, например, не хотела вставать с Володей, все время его передразнивала.

— С годами пройдет, — уверенно произнесла Елизавета Павловна Гердт.

И действительно, с годами «прошло». Катя стала женой Володи Васильева. Но это случилось много лет спустя. А пока что она ни за что не хотела смотреть на своего партнера.

Весной 1957 года руководство училища пригласило балетмейстера Касьяна Ярославича Голейзовского на постановку нового номера. Он репетировал с Катей Максимовой и Сашей Хмельницким. Касьян Ярославич позвал меня посмотреть одну из репетиций.

Это был дуэт, в котором раскрывалось счастье любви, молодости.

Голейзовский ставил номер с большим воодушевлением. Ему нравились исполнители, особенно Катя Максимова, вызывавшая у него добрую улыбку. Касьян Ярославич называл ее «Фунтик», потому что она была невысокой, худенькой, изящной.

Кате и Саше, по-видимому, нравился «Романс». Было видно, с каким интересом выполняли они непривычные для них поддержки, красивые группировки поз, изломанную линию арабесков. Однако Катя на репетиции почему-то ни разу не улыбнулась. Тщетно просил ее Голейзовский:

— Улыбнись, Катюша, здесь светлая радость, она рождает улыбку.

Но Катя строптиво молчала, продолжая танец без улыбок.

На концерте Катя порадовала Голейзовского. Она не только улыбалась, но с тонким проникновением создавала образ обаятельной, целомудренной и нежной девушки. «Романс» имел большой успех. Катя и Саша много раз выходили на поклон, затем бисировали номер. Касьян Ярославич вытирал платком глаза. После концерта он говорил нам, педагогам училища:

— Катя Максимова будет большой танцующей актрисой — помяните мое слово.

В 1975 году Екатерина Максимова стала студенткой педагогического отделения ГИТИСа, которое окончила в 1980 году. И как знать, может быть, когда-нибудь педагог Максимова придет в училище, поставит маленьких девочек к станку и будет так же волноваться за них, как когда-то волновались за маленькую Катю Максимову ее педагоги и репетиторы.

№ 32, - 9 авг. - 1990